

Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике

А.В. Коновалов

кандидат юридических наук. Адрес: 119049, Российская Федерация, Москва, Житная ул., 14. E-mail: konovalov@minjust.ru

Аннотация

В статье автор подробно анализирует состояние современного российского гражданского законодательства в части закрепления одного из ключевых принципов — принципа добросовестности. Дается положительная оценка появлению этого принципа как гарантии стабильности и социальной ориентированности закона. Осуществляя краткий исторический экскурс, автор приводит доводы в пользу нормативного закрепления принципа добросовестности, которые были озвучены в Концепции гражданского законодательства. Кроме того, автор отмечает важность рассматриваемого принципа не только для правового регулирования вещных и обязательственных отношений, но также отмечает практическую значимость принципа добросовестности как одного из основных начал гражданского законодательства. Говоря о добросовестности, автор определяет ее как стремление участника гражданского оборота максимально исключить возможность нарушения его поведением субъективных прав и законных интересов других лиц, осуществлять свои права в строгом соответствии с их содержанием, объемом и назначением. Автор также проводит сравнительный анализ добросовестности, разумности и справедливости, приходя к выводу, что понятие добросовестности в основном охватывает понятия разумности и справедливости действий участников гражданских правоотношений. При этом, по мнению автора, невключение законодателем принципов разумности и справедливости наряду с принципом добросовестности в круг основных начал гражданского законодательства выглядит оправданным квалифицированным умолчанием. В заключении автор отмечает тенденцию судебной практики по расширению применения принципа добросовестности. Однако к принципу добросовестности суд должен обращаться лишь в том случае, если он убежден в невозможности вынесения справедливого решения исключительно путем толкования и применения существующей нормы права.

Ключевые слова

Гражданский кодекс РФ, добросовестность, принцип добросовестности, злоупотребление правом, основные начала гражданского законодательства, принцип доброй совести, разумность, справедливость.

Библиографическое описание: Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4–14.

JEL: K1; УДК: 347

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.4.14

Действующая редакция ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) об основных началах гражданского законодательства введена Федеральным законом от 30.12. 2012 № 302-ФЗ¹, дополнившим ГК РФ первым из нескольких пакетов масштабных поправок, подготовленных по итогам многолетней работы в рамках реформы российского гражданского законодательства. К числу важнейших новелл, появившихся в ГК РФ, следует относить прямое закрепление законодателем предписания участникам гражданского оборота действовать при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей добросовестно. Общим практическим следствием из этого правила закономерно является запрет извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Наконец, новая редакция п. 5 ст. 10 ГК РФ устанавливает широкую презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий.

Наличие в действующем гражданском законодательстве России непосредственного упоминания о добросовестности как о концептуальной доминанте гражданско-правового регулирования, стоящей в одном ряду с его основополагающими принципами — равенством участников гражданских правоотношений, неприкосновенности собственности, свободы договора и др. — следует оценивать в высшей степени позитивно, в качестве важной гарантии стабильности и социальной ориентированности закона. Наличие такого упоминания имеет ряд важных практических последствий.

В ранее действовавшей редакции кодекса добросовестность действий участников оборота не была названа в числе основных начал гражданского законодательства, хотя наряду с требованиями разумности и справедливости она и упоминалась в ст. 6 ГК РФ в качестве источника и ориентира для определения прав и обязанностей сторон в правоотношениях при невозможности использования аналогии закона (т.е. по аналогии права) наравне с общими началами закона. Презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий прежняя редакция ст. 10 ГК РФ устанавливала более узко — в тех случаях, когда в зависимости от разумности и добросовестности осуществления гражданских прав ставилась возможность их защиты. Добросовестность действий прямо указывалась в качестве предпосылки, конституирующей важные правовые последствия, в случаях спецификации (ст. 220 ГК РФ), приобретения права собственности по давности владения (ст. 234 ГК РФ), истребования имущества у возмездного приобретателя (ст. 302 ГК РФ).

Предложение включить в число прямо поименованных законодателем принципов (основных положений) гражданского права принцип добросовестности было четко артикулировано разработчиками Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, подготовленной во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Концепция)². По их мнению, отдельные упоминания добросовестности как требования к поведению участников гражданского оборота, имевшиеся в законодательстве и в судебной практике, не были достаточными для эффективного правового регулирования.

В Концепции отмечалось, что принцип добросовестности должен распространяться на действия (поведение) участников оборота при: а) установлении прав и обязанностей (ведение переговоров о заключении договоров и т.д.); б) приобретении прав и обязанностей; в) осуществлении прав и исполнении обязанностей; г) защите прав. Оценка со-

¹ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

² СЗ РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.

держания прав и обязанностей сторон также должна подчиняться принципу добросовестности.

Действие этого принципа имеет исключительно важное значение для регулирования как вещных (в Концепции и проекте поправок в ГК РФ предложено сформулировать полноценные правила о приобретении права собственности добросовестным приобретателем), так и обязательственных прав. Детальное урегулирование гражданским законодательством поведения сторон для всех мыслимых случаев и особенностей действий по исполнению обязательств в тех или иных обстоятельствах невозможно. Ввиду этого для справедливого разрешения споров международные принципы договорного права и ведущие мировые правовые порядки содержат общее предписание участникам оборота действовать при исполнении обязательств добросовестно.

Необходимость закрепления принципа добросовестности в качестве одного из основных начал гражданского законодательства была настолько очевидной, что предложения разработчиков Концепции не вызвали в данной части серьезных дискуссий и реализовались в тексте действующего закона.

Добросовестность поведения участников отношений, регулируемых гражданским правом, издавна квалифицируется юристами в качестве одного из базовых, фундаментальных требований к гражданскому обороту. Еще в праве Древнего Рима это требование присутствовало в концепции *bona fides*, в средневековом праве и праве Нового времени — в модели *bonus pater familias* (виртуального добропорядочного и законопослушного субъекта правоотношений, наделенного доступной для большинства членов общества мерой совести, разумности и осмотрительности). В англосаксонских правовых порядках системы общего права сформировалась схожая модель *reasonable man* — человек с общедоступным уровнем правосознания, который будет действовать типичным образом в типичных обстоятельствах. Принцип доброй совести нашел детальную проработку в проекте Гражданского уложения Российской Империи³. Во всех случаях речь шла о соответствии юридически и экономически значимого поведения субъектов права определенным стандартам заботы об общем благе и интересах других, сдерживания собственного эгоизма, неукоснительного соблюдения духа и буквы закона. Наличие в законодательстве и правоприменительной практике таких стандартов, равно как и стимулов следования им, во всех правовых порядках рассматривается в качестве важной гарантии стабильности и динамичности гражданского оборота.

Добросовестность можно охарактеризовать как стремление участника гражданского оборота максимально исключать возможность нарушения его поведением субъективных прав и законных интересов других лиц, осуществлять свои права в строгом соответствии с их содержанием, объемом и назначением. Близость категории добросовестности к морально-нравственным нормам не означает идентичности понятий. Хотя добросовестность в смысле гражданско-правового принципа и имеет, подобно моральным нормам, этическую составляющую, она при этом снабжена, в отличие от последних, вполне конкретным прагматичным содержанием, чрезвычайно важным для устойчивости гражданского оборота.

Можно считать, что понятие добросовестности в основном охватывает понятия разумности и справедливости действий участников гражданских правоотношений. Под разумностью следует понимать рациональный аспект адекватного добросовестного поведения участника оборота — его стремление соизмерять свое поведение со здравым смыслом, общими представлениями об осторожности и предусмотрительности и эко-

³ См.: Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // СПС Консультант Плюс.

номической целесообразностью, правами и охраняемыми законом интересами других субъектов. Под справедливостью — готовность учитывать интересы других лиц и общественные интересы, нормы морали и нравственности (что выражается, в частности, в отказе от злоупотребления правами), соблюдать равенство в положении участников оборота. Таким образом, мы имеем дело с близкими по смыслу аспектами ожидаемого правопорядком конструктивного и предсказуемого поведения субъектов гражданского права. Это модель, призванная наиболее приемлемым образом сбалансировать разнонаправленные и подчас противоречивые интересы различных индивидов, а также интересы частных лиц и публичные государственно-общественные интересы. Не случайно упомянутая англосаксонская концепция *reasonable man*, основываясь на понятии «доброго рассудка», рассматривает в качестве его обязательных атрибутов нравственность, этичность и добросовестность.

С учетом сказанного, невключение законодателем принципов разумности и справедливости наряду с принципом добросовестности в круг основных начал гражданского законодательства выглядит как оправданное квалифицированное умолчание. Для выработки подходов к разрешению спорных ситуаций судам вполне достаточно общего понятия добросовестности действий субъектов гражданского права, в качестве аспектов которого можно и нужно рассматривать также разумность и справедливость этих действий.

В то же время в некоторых случаях законодатель устанавливает различия между добросовестностью и разумностью действий субъектов. Так, не допускаются соглашения об устранении или ограничении ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица (в непубличных обществах — за недобросовестные действия, а в публичных — за недобросовестные и неразумные) (ст. 53.1 ГК РФ).

Добросовестность выступает в качестве универсального правила осуществления субъективных гражданских прав; она ожидается в любых действиях участников гражданского оборота и презюмируется. В отдельных случаях (например, в случае приобретения имущества у неуправомоченного отчуждателя, изготовления вещи из чужого материала, исполнения обязательства в срок, не определенный договором) законодатель ставит в зависимость от разумности и добросовестности действий субъекта защиту его гражданских прав. То, что для подавляющего большинства ситуаций закон не указывает в качестве обязательного условия наступления юридически значимых последствий добросовестность участников отношений, не означает, что таковая в них не требуется или отсутствует. Например, надлежащее исполнение условий договора аренды или страхования, так же как и воздержание от нарушений чужого владения, являются примерами добросовестного поведения и признаками стремления индивидов к подчинению регулятивным нормам права и нежелания испытывать действие норм охранительных.

Выделение законодателем узкой группы ситуаций, в которых добросовестность поведения одного из субъектов выступает в качестве правообразующего фактора (в частности, добросовестность приобретателя, к которому предъявлен виндикационный иск, давностного владельца, спецификатора), обусловлено неоднозначностью обстоятельств, в которых действует такой субъект, а также перспективой нарушения этими действиями чужих прав. Можно сказать, что между полями правомерности и противоправности поведения расположена некая «нейтральная полоса», в пределах которой действия субъекта могут повлечь нарушение чье-либо права, но в зависимости от их характера — недобросовестного или добросовестного — либо будут противоправными, либо нет.

Само по себе добросовестное поведение может нарушать чье-либо право лишь опосредованно, в продолжение противоправных действий другого лица, как, например, про-

исходит при добросовестном возмездном приобретении присвоенной вещи. В последнем случае юридические последствия определяются законом с учетом комплексного сравнения интересов и предшествовавшего поведения участников ситуации. Так, добросовестность возмездного приобретателя «перевешивает» интересы собственника, доверившего свою вещь недостойному контрагенту; добросовестность спецификатора — интересы собственника материалов, хранившего их ненадлежащим образом; добросовестность давностного владельца — интересы собственника или титульного владельца, допустившего приобретение вещью режима бесхозяйной.

Добросовестность поведения субъекта гражданского права выражается в проявлении последним определенного уровня заботливости и осмотрительности в обстоятельствах, в силу своей неоднозначности содержащих в себе потенциальную опасность нарушения прав и охраняемых законом интересов других лиц. Например, добросовестность приобретения заключается в убежденности приобретателя в отсутствии у кого-либо прав на соответствующий объект. Напротив, фактический выбор в пользу беззакония (заведомо недобросовестное приобретение — по существенно заниженной цене, в обстановке секретности) исключает одобрение таких действий публичной властью и создают возможность для применения к совершившим их последствий санкционного характера.

Бремя опровержения установленной в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений лежит на лице, которое ссылается на недобросовестность контрагента и заинтересовано в ее констатации.

Принято разграничивать добросовестность в субъективном и объективном смыслах. Первая являет собой частный случай последней и проявляется в ситуациях, когда для наступления определенных правовых последствий достаточно установить неосведомленность участника гражданского отношения об имеющих значение для дела обстоятельствах, когда такая неосведомленность не обусловлена виновным поведением этого лица (законодатель использует формулировки «не знал и не мог знать», «не знал и не должен был знать»). Она более проста в подтверждении и доказывании.

Объективная добросовестность — это абстрактная и многоплановая модель поведения, вырабатываемая судебной практикой в качестве общего ориентира и стандарта, применяемого, впрочем, всякий раз с учетом конкретных обстоятельств дела. Это то самое стандартное честное и конструктивное поведение, ожидаемое правопорядком от обычного участника гражданского оборота в сходных (типичных) обстоятельствах. Конструируя такую модель, суды оставляют за собой возможность при необходимости корректировать предусмотренное законом правило, формальное применение которого без учета конкретных обстоятельств дела привело бы к вынесению несправедливого, а значит неправового решения. К принципу добросовестности суд должен обращаться лишь в том случае, если он убежден в невозможности вынесения справедливого решения исключительно путем толкования и применения существующей нормы права.

Наиболее важные концептуальные подходы, устанавливающие для судов критерии объективной добросовестности, закреплены законодателем в нормах ГК РФ. Помимо общей нормы п. 3 и 4 ст. 1 примером может служить правило, закрепленное в п. 3 ст. 307 (в ред. Федерального закона от 8.03.2015 № 42-ФЗ): «При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию»⁴.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2015)

Судебные решения, апробированные в практике применения принципа объективной добросовестности, с учетом требований к единообразию и стабильности судебной практики должны быть применимы не только к конкретным казусам, но и к сходным ситуациям. По сути, устоявшаяся практика судов будет в таких случаях создавать новую норму права. Поскольку практика использования прецедентов в целом не свойственна российской правовой культуре, по мере накопления уверенности в верности выбранного судами подхода (что может, в частности, выражаться в официальной позиции Верховного Суда Российской Федерации) судебная практика должна со временем реализовывать себя в законодательстве — в соответствующей корректировке действующего законодательства.

Положения п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ имеют зеркальное отражение в норме п. 1 ст. 10 ГК РФ о запрете злоупотребления правом. Злоупотребление правом — это всегда недобросовестное поведение, а недобросовестность, как правило, проявляется в злоупотреблении правом.

Обновленный текст ГК РФ содержит еще ряд важных упоминаний о добросовестности действий участников оборота. Новая редакция п. 1 ст. 10 ГК РФ дает общее определение злоупотребления правом как заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав. Ст. 51 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5.05.2014 № 99-ФЗ⁵) теперь устанавливает для добросовестно действующего лица презумпцию соответствия действительным обстоятельствам данных единого государственного реестра юридических лиц. В ст. 53.1 (в ред. Федерального закона от 5.05.2014 № 99-ФЗ) установлены ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, в случае доказанных недобросовестности и неразумности его действий, а также обязанность лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица, действовать разумно и добросовестно. Члены коллегиальных органов юридического лица, добросовестно не принимавшие участие в голосовании за решение, повлекшее причинение юридическому лицу убытков, освобождаются от ответственности.

Важной новеллой дополнена ст. 166 ГК РФ об оспоримых и ничтожных сделках. В силу п. 5 (в ред. Федерального закона от 7.05.2013 № 100-ФЗ⁶) заявления о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на нее лицо действует недобросовестно, в частности, если по его поведению после заключения сделки другие лица могли судить о действительности сделки. В ст. 173, п. 2 ст. 173.1, п. 1 и 2 ст. 174, п. 2 ст. 179 законодателем применен принцип субъективной добросовестности — соответствующие правовые последствия наступают в зависимости от того, знал ли и должен ли был знать контрагент по сделке о наличии определенных обстоятельств.

Помимо приведенных ранее понятий добросовестного приобретателя, добросовестного давностного владельца и добросовестного спецификатора ГК РФ использует ряд иных понятий, связанных с наличием или отсутствием субъективной добросовестности. Так, под добросовестным залогодержателем понимается залогодержатель, который не знал и не должен был знать, что залогодатель не был надлежаще управомочен распоряжаться переданным в залог имуществом (п. 2 ст. 335 в редакции Федерального закона от 21.12.2013 № 367-ФЗ⁷). Субъективная добросовестность возмездного приобретателя

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2014)

⁶ Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.05.2013)

⁷ Принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении. См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.12.2013)

предмета залога (который не знал и не должен был знать о том, что соответствующий объект заложен) является условием прекращения залога (пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ).

Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»⁸ предусматривает существенное обновление российской концепции вещного права. Эти изменения в ряде случаев касаются и традиционно значимых для гражданского оборота проявлений добросовестности в действиях субъектов вещных прав. Так, в ст. 214 проекта вводится понятие добросовестного владения имуществом (т.е. владения без законных оснований, но при наличии субъективной добросовестности владельца, когда он не знал и не мог знать, что приобретает владение незаконно, либо о том, что основание законного владения отпало), а также устанавливается презумпция добросовестности владения. В ст. 241 в качестве способа приобретения права собственности на вещь называется ее добросовестное приобретение.

Наиболее существенно предполагается изменить правила о приобретательной давности (ст. 242 проекта) — в качестве ее обязательного атрибута наряду с открытостью и непрерывностью владения в течение установленного законом срока больше не называется добросовестность владения. Это умолчание вряд ли предполагает распространение на случаи приобретения права собственности по давности владения общего требования, закрепленного в п. 3 ст. 1 ГК РФ, поскольку для защиты интересов приобретателя незаконно отчужденной вещи и спецификатора требования их добросовестности сохранено (ст. 228, 248 проекта). Приобретение права собственности по давности владения следует рассматривать в качестве самостоятельного специального способа приобретения права собственности, а не разновидности предусмотренного ст. 241 проекта добросовестного приобретения. Видимо, данной нормой (в случае вступления ее в действие) предполагается установить частный случай «исцеления» недобросовестности приобретения длительным сроком открытого фактического владения ею.

Такое исключение из общего и универсального принципа, лишь недавно включенного законодателем в число основных начал гражданского законодательства, выглядит менее логичным, чем, скажем, выработка судебной практикой более гибкого отношения к самому понятию добросовестности давностного владения. Например, изначально незаконное и недобросовестное удержание арендованной вещи может трансформироваться в добросовестное владение ею по истечении срока для предъявления законным владельцем иска о ее истребовании либо после отказа в удовлетворении такого иска (если незаконный владелец не чинит препятствий в предъявлении и объективном рассмотрении иска, он может добросовестно полагать, что законный владелец утратил заинтересованность в спорном имуществе или право на него).

Этот пример подтверждает, что как общее определение добросовестности поведения участников гражданских правоотношений, так и практическое проявление отдельных ее аспектов еще нуждаются в серьезном осмыслении и разработке на уровне доктрины, судебной практики и — в оправданных пределах — законотворчества.

Следует отметить постепенное расширение практики российских судов по применению принципа объективной добросовестности для разрешения спорных ситуаций. Такая практика, кстати, имела место и до включения принципа добросовестности в число основных начал гражданского законодательства, прямо перечисленных в ст. 1 ГК РФ. Так, со ссылкой на принципы разумности и добросовестности участников гражданских

⁸ <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=47538-6&02>

правоотношений признано подлежащим дополнительной судебной оценке согласованности сторонами в договоре об оказании охранных услуг заведомо несоразмерной цены услуги⁹. Как нарушающее принцип соблюдения баланса законных интересов участников правоотношений квалифицировано поведение недобросовестного арендатора¹⁰. В информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11. 2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» признаны обоснованными решения судов о признании недобросовестными действиями: а) злонамеренного срыва заседания совета директоров акционерного общества с использованием положений устава общества; б) выбора в качестве места проведения общих собраний акционеров удаленных населенных пунктов без учета реальной возможности прибытия туда всех акционеров; в) приобретения конкурентных преимуществ за счет использования спорного товарного знака, вводящего в заблуждение потребителей и позволяющего извлекать необоснованные выгоды из известности обозначения другого хозяйствующего субъекта; г) заведомо невыгодной продажи недвижимого имущества на основании незаконного решения единоличного исполнительного органа организации-продавца; д) поведения, направленного на сокрытие имущества учредителя доверительного управления от обращения на него взыскания. Со ссылкой на недопустимость стимулирования недобросовестных неплатежей признавалось незаконным снижение судом неустойки¹¹. В качестве недобросовестных действий суды квалифицировали фактическое исполнение работ в интересах государственных заказчиков при заведомом для контрагента отсутствии надлежаще заключенного государственного контракта¹². В постановлении от 22.11.2011 Президиум ВАС РФ назвал принцип справедливости и правило о недопущении злоупотребления правом в ряду основных начал гражданского законодательства¹³.

Со ссылкой уже на новую редакцию ст. 1 ГК РФ обобщена практика судов, пресекающая как недобросовестное и несправедливое навязывание слабой стороне в договоре явно обременительных для нее условий, существенным образом нарушающих баланс интересов сторон¹⁴; признающая недопустимым приобретение лизингодателем необоснованных выгод при расторжении договора¹⁵; а также в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1(2015)¹⁶.

По мере накопления опыта использования новой редакции ГК РФ Верховный Суд РФ формулирует концептуальные подходы к толкованию норм о добросовестности, которые, судя по всему, будут иметь важное и определяющее значение на достаточно долгий период. Так, оценивая практику судов по применению первого раздела части первой ГК РФ, Пленум Верховного Суда отметил, что при квалификации действий сторон как добросовестных или недобросовестных судам следует исходить из поведения, ожида-

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 14.11. 2006 № 8259/06.

¹⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 30.10.2010 № 9600/10.

¹¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.01.2011 № 11680/10; постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»

¹² Постановления Президиума ВАС РФ от 28.05.2013 № 18045/12 и от 4.04.2013 № 37/13; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02. 2014 № 165.

¹³ Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 № 17912/09.

¹⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

¹⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга».

¹⁶ Утвержден Президиумом ВС РФ 4.03.2015.

емого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации¹⁷. Пленум также отметил, что в случаях оценки стороной сделки достаточности полномочий другой стороны, представленной сотрудником юридического лица на основании доверенности, выданной в порядке передоверия руководителем его филиала, необходимым и достаточным для признания ее добросовестности должно считаться надлежащее изучение соответствующих доверенностей — и первоначальной, и выданной в порядке передоверия.

В постановлении от 24.03.2016 Пленум ВС РФ обобщил ряд подходов к применению принципа добросовестности в сфере ответственности за нарушение обязательств¹⁸. Так, Суд отметил, что неправомерное пользование чужими денежными средствами, частным случаем которого является получение несоразмерной неустойки, не должно быть более выгодным для должника, чем условия правомерного пользования. Должник вправе предоставлять доказательства недобросовестности действий кредитора, в частности, в отношении несоответствия цены замещающей сделки текущей цене.

Обратился Суд и к толкованию в судебной практике новой нормы ст. 434.1 ГК РФ, в соответствии с которой стороны обязаны действовать добросовестно при ведении преддоговорных переговоров. В частности, раскрывая использованный законодателем в п. 2 данной нормы оборот «недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются», Суд отметил, что бремя доказывания добросовестности действий в случаях, перечисленных в пп. 1 и 2 п. 2 ст. 434.1, возлагается на ответчика. Представление контрагентом неполной или недостоверной информации, равно как его умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны были быть доведены до сведения другой стороны, что привело к заключению договора с дефектом в формировании воли этой стороны, дают последней право требовать признания сделки недействительной и возмещения причиненных убытков.

Примером недобросовестных действий ВС РФ считает невыполнение руководителем хозяйственного общества требований законодательства о банкротстве об обращении в суд с заявлением о банкротстве и, как следствие, сокрытие от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении общества. Надлежащее исполнение кредитором обязанности по проверке полномочий органа управления контрагента образует на его стороне признаки добросовестности, и его интересам в сравнении с интересами должника, представившего подложные сведения, должен быть отдан приоритет¹⁹.

Можно рассчитывать, что отсылка участников гражданского оборота к базовому принципу добросовестности в гражданских правоотношениях со временем станет широко распространенной традицией судебной системы России. Это, безусловно, способно обеспечить важнейшую задачу последней — поддержание необходимого уровня динамичности и актуальности гражданско-правового регулирования (особенно это важно для сегмента обязательственных отношений) при сохранении общей стабильности, концептуальности и предсказуемости практики судов.

¹⁷ Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами неких положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁸ Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

¹⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 6.07.2016).

Библиография

- Антипова Е. Абстрактная добросовестность // ЭЖ-Юрист. 2013. № 41. С. 9–11.
- Антонов В.Ф. Принцип добросовестности в современном гражданском праве: теоретический аспект // Законодательство и экономика. 2016. № 1. С. 20–24.
- Багаев В.А. Значение добросовестности владения для приобретательной давности // СПС Консультант Плюс.
- Берлин А.Я. Критерий добросовестности в судебной практике в свете п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 25 // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 1. С. 54–62.
- Бибиков А.И. Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 2. С. 195–199.
- Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.
- Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 1. 4-е изд. М.: Проспект, 1999. 765 с.
- Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.
- Дождев Д.В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности. История и современность. М.: Юрист, 2000. С.96 –128.
- Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002, 160 с.
- Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.
- Микрюков В.А. Принцип добросовестности — новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 17–24.
- Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // СПС Консультант Плюс.
- Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во КГУ, 1985.
- Хвостов В.М. Система римского права. М.: Спарк, 1996. 522 с.

Bona Fides Principle in the Updated Russian Federation Civil Code and in Judicial Practice

Alexander V. Konovalov

Candidate of Juridical Sciences. Address: 14 Zhitnaya Str., Moscow 119049, Russian Federation. E-mail: konovalov@minjust.ru

Abstract

The author examines the current Russian civil law with a focus on a key principle of bona fides (good faith). The appearance of the principle is appreciated as a guarantee of stability and social orientation of the law. By making a brief historical overview, the author supports the normative consolidation of the principle, which is declared in the Conception of Civil Legislation. Besides, the author stresses the principle in question not only for the legal regulation of property and binding relations but also the practical rationale of the principle as a pillar of civil legislation. Good faith is defined by the author as an intention of a party to a civil transaction to prevent at a maximum the possibility of violation by conduct of legal rights and judicial interests of other parties, perform their rights strictly under the content, scope and purpose. Besides, the author takes up the comparative analysis of good faith to show that the concept covers mostly reasonableness and fairness of the actions of the parties to civil relations. At that, the author notes that non-inclusion of the principles of reasonableness and justice to the pre-requisites of civil law deems a justified classified default. The author concludes with

remarking a tendency of judicial practice to broaden the application of the good faith principle. The latter seems relevant to court only if it cannot deliver a fair decision only by interpreting and applying the existing the applicable rule of law.

Keywords

good faith, good faith principle, abuse of law, fundamentals of civil law, bona fide principle, reasonableness, equity.

Citation: Konovalov A.V. (2016) Bona Fides Principle in Updated Russian Federation Civil Code and in Judicial Practice. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 4–14 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.4.14

References

- Antipova E. (2013) Abstraktnaya dobrosovestnost' [Abstract Good Faith]. *EZh-Yurist*, no 41, pp. 9–11.
- Antonov V.F. (2016) Printsip dobrosovestnosti v sovremennom grazhdanskom prave: teoreticheskiy aspekt [Good Faith in Modern Civil Law: Theoretical Aspect]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no 1, pp. 20–24.
- Bagaev V.A. Znachenie dobrosovestnosti vladeniya dlya priobretatel'noy davnosti [Relevance of Good Faith Possession for]. SPS Konsul'tant Plyus.
- Berlin A.Ya. (2016) Kriteriy dobrosovestnosti v sudebnoy praktike v svete p. 1 Postanovleniya Plenuma VS RF N 25 [The Criterion of Good Faith in Judicial Practice under p. 1 Decision of the RF Supreme Court Plenum no 25]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, no 1, pp. 54–62.
- Bibikov A.I. (2015) Printsip dobrosovestnosti v tsivilisticheskoy doktrine i sudebnoy praktiki: problemy tolkovaniya [The Good Faith Principle in Civilistic Doctrine and Judicial Practice: Issues of Interpretation]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, no 2, pp. 195–199.
- Dozhdev D.V. (2000) Dobrosovestnost' (bona fides) kak pravovoy printsip [Good Faith (Bona Fide) as a Legal Principle]. *Politiko-pravovye tsennosti. Istoriya i sovremennost'*. Moscow, pp. 96–128.
- Emel'yanov V.I. (2002) *Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotrebleniye grazhdanskimi pravami* [Reasonableness, Bona Fide, Non-Abuse of Civil Rights]. Moscow: Leks-Kniga, 160 p. (in Russian)
- Gribanov V.P. (2001) *Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav* [Performing and Protecting Civil Rights]. Moscow: Statut, 411 p. (in Russian)
- Khvostov V.M. (1996) *Sistema rimskogo prava* [System of Roman Law]. Moscow, Spark, 522 p. (in Russian)
- Luk'yanenko M.F. (2010) *Otsenochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosovestnost', sushchestvennost'* [Evaluative Concepts in Civil Law: Reasonableness, Bona Fide, Relevance]. Moscow: Statut, 423 p. (in Russian)
- Mikryukov V.A. (2013) Printsip dobrosovestnosti — novyy npravstvennyy ogranichitel' grazhdanskikh prav [Principle of Good Faith a New Moral Concept in Civil Rights]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 6, pp. 17–24.
- Novitskiy I.B. (2012) Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [Principle of Good Faith in Law of Obligations]. SPS Konsul'tant Plyus.
- Sergeev A.P., Tolstoy Yu.K. (eds.) (1999) *Grazhdanskoe pravo: Uchebnik* [Civil Law: Textbook]. Moscow: Prospekt, 765 p. (in Russian)
- Sverdlyk G.A. (1985) *Printsipy sovetskogo grazhdanskogo prava* [Principles of Soviet Civil Law]. Krasnoyarsk: Universitet (in Russian)
- Vitryanskiy V.V. (2016) *Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi* [Reform of Russian Civil Law: Preliminary Results]. Moscow: Statut, 431 p. (in Russian)